

циффике постановки лингвистических курсов в национальных университетах и педагогических институтах: Введения в языкознание, Общего языкознания, Введения в изучение языков данной (например, тюркской) группы, Современного языка и пр.

Следует отметить также, что многие из выступавших указывали на необходимость публикации на страницах журнала большего количества конкретных статей, посвященных отдельным вопросам грамматики: отдельным частям речи, отдельным категориям (залог, наклонению, виду, времени, склонению, спряжению, проблемам слово-сочетания и предложения и пр.), а также некоторых общих теоретических статей, например, статей об определении таких понятий, как «грамматическая категория», «грамматическое значение», «грамматическое понятие», «грамматическая форма» и пр.; статей, посвященных проблемам аналитических и синтетических форм выражения грамматических значений, от разрешения которых, как указывали некоторые выступавшие, в значительной степени зависит и успешная разработка конкретных вопросов грамматики.

Как видно из обзора выступлений, все пожелания носят главным образом практический характер, что объясняется тем, что в планах научно-исследовательской работы академических институтов стоят соответствующие практические задачи.

В связи с изложенным очевидно, что Отделу языков и письменности народов СССР редакции журнала следует предпринять следующие шаги: а) организовать регулярную информацию о научной жизни в национальных республиках и областях (в некоторых республиках намечены уже персонально постоянные корреспонденты, которые регулярно будут давать соответствующие сведения); б) организовать дискуссию на тему «Лингвистические курсы в национальных университетах и педагогических институтах»; в) выделить в Отделе критики и библиографии в каждом номере журнала страничку для обзора и аннотации основных работ, изданных в национальных республиках и областях; г) подготовить специальные статьи или консультации, например, на следующие темы: 1) «Грамматическая категория и грамматическая форма», 2) «Аналитические и синтетические формы выражения грамматических значений», 3) «Принципы составления толковых словарей», 4) «Вопросы нормализации литературных языков и проблема совершенствования письменности».

В заключение необходимо отметить и общее пожелание участников конференции об оказании языковедам национальных республик и областей более эффективной научной помощи, чем до сих пор. Эта помощь должна быть реализована не только в виде печатания статей и консультаций в журнале или в виде поездок соответствующих специалистов на места, но и в виде организации различного рода совещаний и главным образом в виде организации при Бюро Отделения литературы и языка или при Институте языкознания АН СССР специальных семинаров и прежде всего: а) семинаров по лексикографии (в связи с составлением на местах толковых словарей); б) семинаров по методике разработки описательных грамматик; в) семинаров по истории отдельных языков, а также групп и семей языков; г) семинаров по практике диалектологических описаний говоров и диалектов, по картографированию и составлению диалектологических атласов*.

Н. А. Баскаков

*От редакции. Редакционная коллегия, выражая благодарность читателям за их замечания и указания, высказанные на проведенных совещаниях, сообщает, что в пределах возможностей редакции эти замечания будут учтены ею в дальнейшей работе журнала. В частности, предполагается помещать в журнале статьи-консультации по запросам, получаемым от читателей, а также по возможности расширить отделы критики, библиографии и информации о научной жизни языковедческих учреждений во всех национальных республиках и областях нашей страны.

В связи с этим редакционная коллегия рассчитывает и на активное содействие читателей журнала, от которых она ожидает, кроме специальных научных статей, также разнообразного информационного материала.

СЛОВАЦКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ПОСЛЕ 1945 г.

1

В первом десятилетии после первой мировой войны языкознание в Словакии собственно говоря не было. Из работ лингвистов старшего поколения заслуживает внимания книга Й. Главатого «Развитие склонения имен существительных и имен прилагательных в словацком языке» (J. Hlavatý, Vývoj skloňovania podstatných a prídavných mien slovenských, Trnava, 1922). Очевидное отставание словацкой лингвистики в этот период легко объяснить национальным, социальным и культурным угнетением словаков в старой Австро-Венгрии.

Таким образом, в период между мировыми войнами словацкая лингвистика формируется во многом как дисциплина новая, не опирающаяся на отечественную традицию (например, на труды Штура, Гатталы, Цамбля). Такое положение часто вредило делу. Для возникновения нового словацкого языкознания большое значение имело развитие чешское языкознание. Словацкие лингвисты учились главным образом в Карловом университете в Праге. Далее, в развитии словацкой лингвистики большую роль сыграло изучение словацких диалектов в связи с большим интересом к ним. С 1921 г. словацкими диалектами занимался проф. П. Важный.

Уже во втором десятилетии в период первой республики появляется и начинает активно работать новое поколение словацких языковедов. Часть лингвистов занималась преимущественно вопросами литературного языка и группировалась вокруг журнала «Словацкий язык» («Slovenska reč» — сокр. SR), который начал выходить в 1932 г. Другая часть лингвистов работала, в основном, над вопросами диалектологии и объединялась вокруг журнала «Братислава» («Bratislava»), а с 1935 г. — вокруг «Сборника Матисы словацкой» («Sborník Matice slovenskej» — сокр. SMS). Кроме того, в значительной мере стали разрабатываться вопросы общего языкознания, исторической грамматики словацкого языка и финно-угорского языкознания.

Итак, в период второй мировой войны сформировались два лингвистических центра. Один возник в Мартине, при Матисе словацкой; второй — в Братиславе при университете в Шафарыковом ученом обществе, которое в 1939 г. преобразовалось в Словацкое ученое общество, а в 1943 г. — в Словацкую Академию наук и искусств; языковедческим органом ее был журнал «Словацкая лингвистика» («Linguistica slovacica» — сокр. LS), который выходил с 1939 по 1948 г. (т. I—VI).

Заслуживают внимания лекционная деятельность возникшего в годы войны Словацкого языковедческого общества и дискуссии, проводимые им. Направление этого общества было структуралистским; с позиций структурализма решались преимущественно вопросы фонологии, языкового развития и предмета языкознания. Но, кроме того, изучались и другие проблемы. Таково в общих чертах было состояние словацкого языкознания в 1945 г.

2

Тотчас после освобождения стало ясно, что словацкое языкознание вступает в новый период. Уже с самого начала стала очевидной необходимость подвести под языкознание марксистскую базу. Однако это было достигнуто не сразу и не без труда. Лишь результаты языковедческой дискуссии 1950 г. на страницах «Правды», разрешившие в значительной мере также и вопросы, стоявшие перед словацким языкознанием, создали условия для плодотворной научной работы. После 1952 г. главное внимание стало уделиться не декларативным заявлениям о необходимости марксистского языкознания, а тому, чтобы марксистские принципы применялись в работах лингвистов. Вторым фактором, важным для развития работы языковедов, было сосредоточение всей лингвистической деятельности в Институте словацкого языка Академии наук.

Период после освобождения характеризовался завершением старых организационных форм и поисками новых методов и нового содержания работы. В Братиславе тотчас же после освобождения началась активная работа в университете, прежде всего в области воспитания молодых научных кадров. В этом направлении особенно много было сделано на кафедре словацкого языка и литературы и кафедре русского языка в литературе. На первой из них работали проф. Я. Станислав, проф. Э. Паулини, доц. П. Штольц, доц. П. Ружичка и доц. В. Бланар, на второй — проф. А. В. Исаченко и позднее доц. Л. Дюрович. Из педагогических школ за последнее время приобретает важное значение Педагогический институт в Братиславе, в котором ведут занятия доц. Э. Попа и доц. П. Штольц.

Для развития лингвистической мысли после 1945 г. немалое значение имел Братиславский лингвистический кружок (существовал фактически до 1950 г., председатель Э. Паулини), который пришел на смену Словацкому языковедческому обществу. Ориентация кружка была, как и у Словацкого общества, структуралистской. Это ограничивало состав членов и снижало общественное значение его деятельности. Тем не менее кружок проделал большую работу, особенно при исследовании вопросов словацкой грамматики и словаря, так как общие положения проверялись большей частью на словацком и русском языковом материале. Кружок издавал журнал «Слово и форма» («Slovo a tvar» — сокр. SaT, ред. Э. Паулини, 1947—1950) и «Сборник Братиславского лингвистического кружка» («Recueil Linguistique de Bratislava», — сокр. Recueil, I, ред. А. В. Исаченко, 1948) Журнал «Слово и форма», начиная с третьего года издания, имел приложение «Язык технических отраслей» («Technický jazyk»), которое редактировал Н. Горещкий. Деятельность Братиславского лингвистического кружка после 1950 г. была не так значительна, а в последующие годы прекратилась совсем.

В дальнейшем все большее и большее значение как центр лингвистической деятельности приобретает Институт словацкого языка АН, который осуществляет и осуществляет работы по следующей тематике.

1. Правила словацкого правописания. Пособие «Правила словацкого правописания» («Pravidlá slovenského pravopisu», Bratislava, 1953) содержит не только кодификацию правописания, но и основы грамматической и словарной кодификации. Дискуссия о реформе словацкого правописания началась уже давно. После издания «Правил словацкого правописания» в 1931 г. и особенно после 1945 г. все более настойчивыми стали голоса, требовавшие радикальной реформы. Однако приверженцы реформы чересчур подчеркивали номинативную функцию правописания и недооценивали значение и силу традиции. Отсутствие единства мнений в вопросах об отдельных конкретных сторонах реформы, нерешительность и колебания культурной общности (кроме большинства учителей) привели к тому, что проведение реформы постоянно откладывалось. Наконец, было решено, что изменение правописания, помимо исключения некоторых особенностей и непоследовательностей, будет сведено только к изменению в написании предлогов и приставок *s, z, s-, z-*, формы множественного числа прошедшего времени и к изменению правил словораздела.

Подробное изложение дискуссии о реформе правописания содержат работы: Э. Паулины — Я. Горецкий, О реформе словацкого правописания (Е. Pauliny — J. Horecký, O reforme slovenského pravopisu, Bratislava, 1948); Э. Йона, Замечания к проектам реформы словацкого правописания (SR, XII, 1946, стр. 46—57, 103—113); Ш. Пецяр, О демократизации правописания (SR, XVI, 1950—1951, стр. 257—269). Кроме того, в журнале «Словацкий язык» (XVII, 1951—1952 и особенно XVIII, 1952—1953) помещены многочисленные статьи о заключительной фазе подготовки реформы правописания.

После установления объема изменений правописания в 1950 г. началась подготовка нового издания «Правил словацкого правописания» (главным редактором первого варианта был Э. Паулина). Переработке подверглась вся грамматическая часть и словарь старых «Правил». В окончательной редакции они вышли в 1953 г. (гл. ред. Ш. Пецяр). Новое издание «Правил словацкого правописания» — обстоятельный труд; ясно составленные правила представляют результаты изучения правописания, произношения и грамматического строя словацкого языка. «Правила» являются хорошей базой для школьных учебников словацкого языка.

2. Словарь литературного языка и другие словари. Материал для словаря словацкого литературного языка систематически собирался еще в Матфе словацкой примерно с 1936 г. После 1945 г. стал выходить в тетрадях «Словарь словацкого литературного языка» А. Яношика и Э. Йоны (А. Jánošík, E. Jóna, Slovník spisovného jazyka slovenského, Turč. Sv. Martin, 1946—1949). Вышел первый том, до буквы I. Этот словарь ставил своей целью собрать, истолковать и снабдить примерами все слова словацкого литературного языка. В словаре было допущено много ошибок: словарные статьи были разработаны неравномерно; не были соблюдены надлежащие критерии при отборе примеров; толкования слов и их стилистическая оценка были часто недостаточны и неудачны и т. д. В 1949 г. словарь перестал выходить, и вся работа была сосредоточена в Словацкой АН.

Несколько позже начали собирать материал для другого словаря в Словацком учебном обществе (позднее в Словацкой АН). В 1944 г. была сдана в набор первая тетрадь (авторы И. Орловский и Э. Паулина), но издание словаря прекратилось, так как стало очевидным, что материала недостаточно и словарь не достигает должного уровня. В дальнейшем над словарем работал И. Орловский, а позднее Я. Горецкий, который подготовил материалы до буквы Р. С 1949 г. работой стал руководить Ш. Пецяр; тогда изменялся и характер подготавливаемого словаря: стали составлять фразеологический толковый словарь в трех томах. Работа, к сожалению, идет крайне медленно; сейчас готовится к печати первый том.

Значительно лучше положение с русско-словацкими словарями. А. В. Исаченко с сотрудниками издал методически хорошо составленный «Словацко-русский переводной словарь» (А. V. Isačenko, Slovensko-ruský prekladový slovník, diel I, Bratislava, 1950) и закончил рукопись второго тома. Кроме того, он вместе с сотрудниками издал краткий, но содержательный «Настольный русско-словацкий словарь» («Príručný slovník rusko-slovenský», Bratislava, 1952). Подготавливается и трехтомный русско-словацкий словарь. Этой работой в Чехословацко-советском институте руководит канд. филол. наук Л. Дюрович. Внешним редактором словаря является доцент Московского ун-та Н. А. Кондрашов.

3. Специальная терминология. Разработкой и объединением терминологии отдельных отраслей науки занимается Отделение терминологии Института словацкого языка АН, которым руководит Я. Горецкий. Отделение возникло весной 1950 г. Оно включает 30 рабочих комиссий, каждая из которых занимается терминологией какой-либо отрасли науки или ее части. Соответствующие материалы публикуются в виде особых словарей. До настоящего времени их вышло четырнадцать, пять подготовлено к печати. Меньшие по объему материалы печатаются в ежемесячном журнале «Словацкая специальная терминология» («Slovenské odborné názvoslovie», ред. Я. Горецкий, выходит с 1953 г.). В этом журнале обсуждаются принципы терминологического словообразования и вновь вводимые термины.

4. Изучение диалектов. Коллективное изучение словацких диалектов имеет богатые традиции. До 1938 г. ими систематически занимался В. Важный, в более узких масштабах продолжавший свою деятельность и в годы войны. Понятно, что в благоприятных условиях, создавшихся после освобождения, эта работа широко развернулась. В 1947 г. Э. Паулини и Й. Штольц издали «Вопросник для изучения словацких диалектов» (E. Pauliny, J. Štolc, Dotazník pre výskum slovenských nárečí, Bratislava, 1947). Он содержит 750 вопросов, включающих около 1800 слов и форм. С помощью студентов философского факультета Братиславского ун-та (семинар проф. Э. Паулини) было начато собирание диалектологического материала. До середины 1951 г. (под руководством Й. Штольца) удалось организовать собирание материала в сущности во всех словацких селах Словакии. Остальной материал (примерно из 40 сел) был собран в последующие годы. Помимо сбора материала в Словакии, работа проводилась и в словацких селах Венгрии (в 1946 г. Й. Штольцем, П. Ондрусом, В. Блаваром, К. Палковичем), в Югославии (в 1947 г. Й. Штольцем, Э. Паулини) и в Болгарии (в 1949 г. и в 1955 г. В. Блаваром).

В диалектологическом отделении Института словацкого языка собирается материал и для диалектологического словаря. До настоящего времени собрано 150 тыс. карточек. Был основан архив диалектологических текстов (собрано свыше 2000 страниц текстов из 276 сел) и архив звуковых записей, находящийся в ведении Г. Горака.

5. История словацкого языка. Подготовительными работами, связанными с изучением истории словацкого языка, занимается Отделение истории словацкого языка при Институте словацкого языка. Здесь собирают материал для исторического словаря, привлекая как старые венгерские документы, так и литературу 1850—1860 гг. До сих пор сделано более 200 тыс. выписок.

6. Грамматика литературного языка. Отделение литературного языка при Институте словацкого языка (руков. доц. Й. Ружичка) подготавливает научную грамматику литературного языка. Его задачей в настоящее время является подготовка монографий по отдельным проблемам с тем, чтобы в дальнейшем приступить к созданию обширной научной грамматики словацкого литературного языка. С этой целью создается картотека, преимущественно в области синтаксиса и употребления грамматических форм. Имеется уже свыше 100 тыс. карточек.

Таковы условия, в которых развивалась исследовательская работа после освобождения. Следует также отметить, что работа в области неславянской филологии ведется при отдельных кафедрах философского факультета ун-та им. Коменского.

Отдельные языковедческие дисциплины разрабатывались следующим образом.

Общее языкознание. Применение структуралистского метода (в интерпретации автора) находим в изданной посмертно, незавершенной книге чешского профессора Братиславского ун-та Й. М. Коржиника «Введение в языкознание» (J. M. Korinek, Úvod do jazykozpytu, Bratislava, 1948). В ней рассматривается предмет языкознания, разбирается содержание понятий «langue» и «parole», далее идут фонологическая систематика и вопросы языковой типологии. Взгляды Й. М. Коржиника некоторое время оказывали влияние на часть словацких лингвистов.

Проблема отношения «langue — parole» интересует словацких лингвистов и в дальнейшем. А. В. Исаченко занимается аппеллятивной (призывной) функцией языка и приходит к выводу, что аппеллятивные средства языка по своему характеру сильно отличаются от системных языковых средств (Recueil, I, стр. 45—57). Э. Паулини рассматривает различие между предложением и высказыванием и приходит к выводу, что предложение качественно отличается от слова и высказывания; для предложения характерен момент отождествления понятия (выраженного словом) с определенным предметом (Recueil, I, стр. 59—66).

Важное значение имеет работа Й. Ружички «К проблеме дифтонгов» (J. S, IV—VI, 1946—1948, стр. 23—39), решающая вопрос о критериях, которых необходимо придерживаться при оценке дифтонгов с фонологической стороны.

Интерес к советской лингвистике, довольно значительный и до дискуссии на страницах «Правды», сильно возрос после 1950 г., так что с тех пор советская лингвистика становится предметом постоянного изучения. Она в значительной степени способствовала изменению интересов словацких лингвистов. Большая заслуга в этом принадлежит также словацкой русистике, которая систематически знакомила словацких лингвистов с новыми достижениями русского языкознания.

Центр тяжести после 1945 г. переместился с фонетики на морфологию, синтаксис, словарь и стилистику, т. е. преимущественно на семантическую сторону языка.

Неславянские языки. Проблемами германистики занимался Й. Ружичка. В книге «К проблематике слога и просодических свойств» (J. Ružička, Z problematiky slabiky a prosodických vlastností, Bratislava, 1947) он сначала рассматривает проблему слога и просодических свойств вообще, а потом приводит комплекс изменений, имевших место в немецком языке перед так называемым нововерхнемецким периодом. На основании полученных результатов автор предлагает новую периодизацию немецкого языка. Й. Ружичка опубликовал также две статьи о фонетике и морфологии готского языка («Jazykovedný zborník» — сокр. J. S, V, Bratislava, 1951, стр. 259—264; Recueil, I, стр.

151—166)). Современным немецким языком занимается В. Швантлер. Специалист в области англистики Я. Шимко занимается изучением некоторых вопросов соотношения грамматики и словаря («Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik», III, 1955, стр. 305—314); он сдал в печать книгу о порядке слов в английском языке средних веков.

Я. Горепский издал книгу «Фонология латинского языка» (J. Horecký, Fonológia latínčiny, Bratislava, 1949). Книга интересна в методическом отношении тем, как автор определяет фонологическую систему языка, известного только по письменным памятникам. Он написал также работу о двойных согласных в латинском языке (Resueil, I, стр. 117—137) и о значении латинских надежд (LS, IV—VI, стр. 44—56); помимо этого он изучал стиль средневековой латыни в Словакии (см. JS, V, 1951, стр. 167—186).

М. Окал занимается переводом произведений греческих и римских классиков и их исследованием.

Известный семитолог акад. Ян Бакош издает памятники литературы на семитских языках. Следует упомянуть два его издания: «Психология Григория Абу-л-Фараджа, называемого Баргебрауусом» (J. Bakoš, Psychologie de Grégoire Aboufaradj dit Barhebraeus, Leiden. E. J. Brill, 1948)—текст и французский перевод труда сирийского энциклопедиста XIII в. и «Психология Ибн Сина-Авиценны по его труду ash-Shifa» (J. Bakoš, Psychologie d'Ibn Sīnā [Avicenne] d'après son oeuvre aš-Shifā, Praha, ČSAV, 1956)—текст и французский перевод труда Авиценны.

Славянское языковедение. Из книг в этой области следует отметить изданную посмертно неоконченную работу И. М. Коржинка «От индоевропейского праязыка к праславянскому языку» (J. M. Kořínek, Od indoeuropského prajazyka k praslavancine, Bratislava, 1948). Она написана в основном в традиционном младограмматическом духе с несколькими структуралистскими схемами в разделе фонетики. Помимо вводной части и раздела фонетики она содержит неполный раздел морфологии.

Отношение словацкого языка, вернее некоторых диалектов его, к другим славянским языкам стало уже традиционной темой. В этой связи следует упомянуть дискуссионные статьи Я. Станислава (SR, XV, 1949—1950, стр. 37—45) и Э. Паулини (JS, IV, 1950, стр. 156—162) относительно взглядов И. Книежи на югославянские в среднесловацком диалекте («Études slaves et roumaines», I, Budapest, 1948, стр. 2—6, 139—147). Я. Станиславу принадлежит также интересная статья «Место словацкого языка среди славянских языков» (SR, XX, 1955, стр. 133—144; см. в немецком переводе «Zeitschrift für Slavistik», I, Heft 2, Berlin, 1956). Обзор работ о метатезе плавных с критическим анализом отдельных взглядов опубликовал Ш. Пецъяр (JS, VI, 1952, стр. 59—93).

Уделялось внимание и древнеславянскому периоду, особенно выяснению вопроса о том, в какой степени словацкая территория и словацкое население были причастны к созданию старославянской письменности и просвещения в Великоморавской державе. Я. Станислав во многих работах доказывает, что предки нынешних словаков принимали в этом активное участие. После 1945 г. следует особенно отметить его работу «Славянские апостолы Кирилл и Мефодий и их деятельность в Великоморавской державе» (J. Stanislav, Slovanskí apostoli Cyril a Metod a ich činnosť vo Veľkomoravskej ríši, Bratislava, 1945). Дискуссию вызвало особенно утверждение Я. Станислава о том, что резиденцией Мефодия была Нитра. Часть дискуссии опубликована (JS, I—II, 1946—1947, стр. 193—199, 178—193). Старославянского и, собственно, еще более древнего периода касалась работа А. В. Исаченко «Начало просвещения в Великоморавской державе» (JS, I—II, 1946—1947, стр. 137—178, 265—317). Эта работа вышла отдельным изданием. Автор убедительно и удачно с методической точки зрения освещает вопрос о предпосылках возникновения литературного языка у предков нынешних чехов и словаков.

Из отдельных славянских языков больше других изучается русский. Словацкие работы по русистике характеризуются тем, что в них очень широко осуществляется сравнение русской и словацкой грамматических систем. Самой интересной работой в области русистики является книга А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология», ч. I (Братислава 1954). Автор изложил в ней свой взгляд на место морфологии в системе языка и разобрал языковые категории и функционирование имени существительного, прилагательного, наречия и предикативов. По всей вероятности, вызовет дискуссию книга Л. Дюровича «Модальность. Лексико-синтаксическое выражение модальных и оценочных отношений в словацком и русском языке» (L. Ďurovič, Modálnosť. Lexikálno-syntaktické vyjadrovanie modálnych a hodnotiacich vzťahov v slovenčine a ruštine, Bratislava, 1956). Дискуссионным прежде всего окажется широкое понятие модальности, согласно которому синтаксически и семантически не расчленимым целым становится не только изменяемая глагольная форма с инфинитивом, но и изменяемая глагольная форма с предпосланным предложением. Из работ по русистике заслуживает также внимания книга А. В. Исаченко «Фонетика русского литературного языка» (A. V. Isačenko, Fonetika spisovnej ruštiny, Bratislava, 1947), изданная в качестве пособия для вузов.

В. Бланар посвятил несколько трудов влиянию болгарского языка на язык словацкой и чешской языковой группы в Болгарии (JS, V, 1951, стр. 97—122; «Studie a práce lingvistické», I, Praha, 1951, стр. 353—368).

Для развития славистики большое значение имели общереспубликанские конференции славистов. На конференции славистов в Оломоуце (5—7 III 1953) В. Бланар сделал доклад о смещении языков, Ш. Пецляр — о морфологической классификации глагольных форм. На конференции памяти И. Добровского в Праге (30 XI — 2 XII 1953) Ш. Пецляр сделал доклад об отношении Добровского к словацкому литературному языку, В. Бланар — о классификации славянских языков в трудах Добровского, Я. Станислав — о культе Кирилла и Мефодия в Словакии в связи со взглядами Добровского. Материалы были напечатаны в журн. «Slavia» (XXII, 1953 и XXIII, 1954).

Словацкий язык. Понятно, что усилия языковедов были направлены главным образом на изучение словацкого языка. Работы велись во всех областях: история языка, диалектология, грамматика литературного языка, словарь.

История словацкого языка. Из монографий по истории литературного языка следует указать на работы Я. Боредного, проанализировавшего состояние правописания Гадбавного словаря середины XVIII в. (JS, IV, 1950, стр. 174—192), Л. Сверчковой, изучившей язык Фандли (JS, IV, 1950, стр. 193—208) и Э. Йона, исследовавшего деятельность М. Гатталы (журн. «Jazykovedný časopis», сокр. — JČ, VII, 1953, стр. 15—33). По случаю столетия со дня смерти Я. Штура происходила конференция, посвященная его трудам по языковедению (материалы см. SR, XXI, 1956, стр. 129—260).

За последнее десятилетие вышло много монографических исследований, анализирующих старые памятники письменности. Из них следует отметить труды Я. Станислава о славянских элементах в греческой грамоте короля Стефана 1002 г. (JS, III, 1948, стр. 1—17), об именах собственных в Цивадальском евангелии («Slavia», X III, 1947—1948, стр. 87—100), издание текста и лингвистический анализ Слипской книги проповедей XV в. (JS, IV, 1950, стр. 141—155); следует также упомянуть статью Д. Дубан о языке кремнических грамот XVI в. (LS, IV—VI, стр. 307—331), работу И. Штольца о языке левоческих словацких присяг XVII—XIX вв. (JS, V, 1951, стр. 190—247). Большое значение для изучения развития словацкого языка имеет хрестоматия Я. Станислава «По следам предков» (J. Stanislav, Po stopách predkov, Bratislava, 1948), в которой приводятся отрывки текстов от древнейших времен до XVII в.

Для ознакомления с историей литературного языка важна работа Э. Паулини «История словацкого литературного языка» (E. Pauliny, Dejiny spisovnej slovenčiny, Bratislava, 1948), которая дает новую концепцию и содержит много интересных данных и толкований, но уже несколько устарела вследствие недостаточного количества анализируемого материала.

Я. Станислав издает обширную историческую грамматику словацкого языка в двух томах (фонетика и морфология); первый том ее (фонетика) уже вышел из печати (J. Stanislav, Dejiny slovenského jazyka, I, Bratislava, 1956). По словацкой исторической диалектологии наибольшее число работ опубликовал Э. Паулини. Он изучал развитие групп *l', d', n', l' + e, i* в словацком языке (JS, V, 1951, стр. 140—151), возникновение именительного-винительного падежа типа *znamená* (JČ, VII, 1953, стр. 51—62), возникновение некоторых фонетических изменений в гемеерском наречии (JČ, VIII, 1954, стр. 108—117) и т. д.

К трудам по истории языка тесно примыкают работы по топонимике и ономастике. В этой связи следует особенно отметить монографию Я. Станислава «Словацкий юг в средние века» (J. Stanislav, Slovenský juh v stredoveku, I, II, Martin, 1948). На основании весьма обширного материала топонимических названий автор определяет этнический состав населения Дунайской котловины перед приходом венгров и заключает, что западнославянское население занимало территорию, уходившую в глубь территории сегодняшней Венгрии. Книга вызвала оживленную дискуссию. Я. Станислав опубликовал также большое число исследований по этимологии словацких топонимических названий, преимущественно в журн. «Словацкий язык». Я. Станислав в популярной форме изложил много интересных этимологий названий городов в книге «Открытые имена» (J. Stanislav, Odkryté mená, Bratislava, 1947). В статье «Из словацкой социальной топонимии» (JS, V, 1951, стр. 58—96) он анализирует топонимические названия с точки зрения того, как они отражают старое социальное расслоение населения в эпоху раннего феодализма. Эту работу позднее продолжил, привлекая факты археологии, Р. Крайчович («Historický časopis», IV, 1956, стр. 222—234 и «Slovenský národopis», IV, 1956, стр. 337—367).

В. Бланар изучает способы образования топонимических названий и особенно собственных имен лиц и анализирует средства (главным образом морфологии и словообразования), которые используются при образовании и изменении собственных имен. Этой проблеме он посвятил много статей (JS, I—II, 1946—1947, стр. 26—38; SaT, I, 1947, стр. 70—80; JS, IV, 1950, стр. 89—99). Его книга «К проблеме изучения словацких собственных имен и топонимических названий в Венгрии» (V. Blanár, Prispevok ku štúdiu slovenských osobných a pomiestnych mien v Mad'arsku, Bratislava, 1950), в основном, также посвящена теории собственных имен.

Словацкая диалектология. Все указанные монографии по диалектологии посвящены, в основном, либо окраинным, либо смешанным говорам. Э. Паулини выпустил книгу «Говоры сел на Верхней Ораве, подлежащих затоплению» (E. Pau-

liny, Nárečie zátopových osád na hornej Orave, Martin, 1947), содержащую описание фонетики и морфологии говоров четырех сел, которые находились на территории плотин оравской гидроэлектростанции. В ней автор старается применить метод структурального анализа.

И. Штольц издал «Говоры трех словацких островов в Венгрии» (J. Štolc, Nárečia troch slovenských ostrovov v Maďarsku, Bratislava, 1949). Книга интересна тем, что дает материал для изучения языка переселенцев, которые в XVIII в. ушли из Словакии в Венгрию. Интересны наблюдения над возникновением смешанных говоров. Аналогичный материал находим в книге П. Ондруса «Среднесловацкие говоры в Венгерской Народной Республике» (P. Ondrus, Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike, Bratislava, 1956). В монографии Ф. Буффы «Говор Долгой Луки в Бардейовском округе» (F. Buňa, Nárečia dlhej Lúky v Bardejovskom okrese, Bratislava, 1953) описывается говор северной окраины Восточной Словакии. Г. Горак в книге «Говор Погорелой» (G. Horák, Nárečie Pohorelej, Bratislava, 1955) описал интересный говор, который возник в результате смешения языка польских колонистов с языком словацкого населения.

Следует также упомянуть описания фонетической системы языка жителей Муранской долины в Гемере (LS, IV—VI, стр. 154—173) и фонетической системы говора села Карлова Весь около Братиславы (см. сб. «Slovenská Bratislava», II—III, 1949—1950, стр. 239—274), сделанные И. Орловским, а также работу И. Штольца о появлении слоговых *r*, *l* на границе между среднесловацкими и восточнословацкими говорами (JS, I—II, 1946—1947, стр. 317—389).

Проблемам изучения диалектов была посвящена диалектологическая конференция в Брно (25—27 XI 1954), на которой И. Штольц выступил с докладом о подготавливаемом атласе словацкого языка (см. «Slovo a slovesnosť», XVI, 1955, стр. 173—174). Подробный обзор работ по диалектологии за 1938—1953 гг. сделан А. Габовšťяком (JČ, VIII, 1954, стр. 69—107).

Словацкий литературный язык. В прошедшем десятилетии самое большое внимание уделялось изучению системы литературного языка. Из грамматик надо отметить следующие: И. Орловский — Л. Арань, Грамматика словацкого языка (J. Orlovský — L. Arany, Gramatika jazyka slovenského, Bratislava, 1946), в которой дается обзор исторического развития, делаются попытки фонологического описания звуковой системы и приводится богатый материал в разделе морфологии; Б. Летц, Грамматика словацкого языка (B. Letz, Gramatika slovenského jazyka, Bratislava, 1950). Эта грамматика интересна как запоздалое резюме деятельности словацких пуристов (большая часть ее теоретических основ устарела после выхода книги); Э. Паулини — И. Ружичка — И. Штольц, Словацкая грамматика (E. Paulíny — J. Ružička — I. Štolc, Slovenská gramatika, Martin, 1953). Эта грамматика — пособие, в доступной форме подводящее итоги изучению словацкого языка за последнее десятилетие. В настоящий момент это наиболее отвечающая требованиям современной науки грамматика словацкого языка.

Много работ было посвящено вопросам литературного произношения. Я. Станислав издал пособие «Словацкое произношение» (J. Stanislav, Slovenská výslovnosť, Martin, 1953). В этой книге и особенно в отдельных статьях он уделяет много внимания сценическому произношению (см., например, его статью «Культура слова на реалистической сцене», — «Slovenské divadlo», II, 1954, стр. 97—114). Много статей по вопросам сценического произношения и особенно оперного написал А. Пранда (например: SaT, III, 1949, стр. 5—10; там же, IV, 1950, стр. 52—69; SR, XIX, 1954, стр. 211—221). Популярно изложил вопросы произношения Я. Станислав в книге «Культура словацкой устной речи» (J. Stanislav, Kultúra slovenského hovoreného slova, Martin, 1955).

Фонетике литературного языка посвящена книга Л. Двонча «Ритмический закон в словацком литературном языке» (L. Dvonč, Rytmičský zákon v spisovnej slovenčine, Bratislava, 1955). Ш. Пецьяр опубликовал несколько работ по фонологии словацкого литературного языка: о группах гласных в заимствованных словах (SR, XIII, 1947, стр. 72—86); о количестве и ритмическом законе (SR, XII, 1946, стр. 137—152; 217—224); о фонологическом отношении *i* и *ý* в словацком языке (LS, IV—VI, 1946—1948, стр. 107—120).

Наибольшее внимание, однако, уделялось морфологии и синтаксису литературного языка. Актуальным стал прежде всего вопрос о типах неизменяющихся слов. Главным образом русисты (проф. А. В. Исаченко и его ученики) по примеру некоторых советских исследователей разрабатывали в многочисленных статьях и дискуссиях (например, Л. Дюрович, JS, IV, 1950, стр. 113—140) проблему предикатива, модальных слов и частей. Оживленная дискуссия развинулась вокруг проблемы классификации глаголов. Э. Паулини предложил свою классификацию в небольшом исследовании «Словацкое спряжение» (E. Paulíny, Slovenské časovanie, Bratislava, 1949). Его мнение подверглось критическому рассмотрению со стороны И. Ружички (SaT, IV, 1950, стр. 43—51). Их взгляды вызвали необыкновенно резкую реакцию Ш. Пецьяра (JS, V, 1951, стр. 30—57). Затем снова выступили И. Ружичка (JČ, VII, 1953, стр.

135—168) и Ш. Пецьяр (JČ, VIII, 1954, стр. 248—266). Единое мнение выработано не было.

За последние годы повышенный интерес проявляется к вопросам синтаксиса. Й. Ружичка, помимо многочисленных исследований по частным вопросам [о глаголе «быть» (SR, XVIII, 1952—1953, стр. 398—405); о глаголах действия и состояния (JČ, VIII, 1954, стр. 5—17); об употреблении союза *au* (SR, XX, 1955, стр. 290—301) и т. д.], издал книгу «Синтаксис неопределенного наклонения в словацком литературном языке» (J. Ružička, *Skladba neurčitku v spisovnej slovenčine*, Bratislava, 1956), в которой подробно разобрал инфинитивные сочетания в словацком языке и решил вопрос классификации неполнозначных глаголов. Из работ по синтаксису следует упомянуть статью В. Бланара (JS, VI, 1952, стр. 43—58), где он критикует старые взгляды, нашедшие отражение в грамматике Летца. Большой интерес представляет также его работа о присоединительных предложениях (см. сб. «Jazykovedné štúdie» — сокр. JS, 1, Bratislava, 1956, стр. 179—212). М. Урбанчок напечатал работу о классификации вопросительных предложений (там же, стр. 213—225). Следует упомянуть также статью Э. Паулины о порядке слов (SR, XVI, 1950—1951, стр. 197—207, 228—235, 171—179).

О живой исследовательской работе в области морфологии и синтаксиса словацкого литературного языка свидетельствует и конференция, посвященная вопросам морфологии словацкого языка (см. SR, XXI, 1956, стр. 3—128). Меньшее значение и результаты имела конференция по вопросам нормы литературного языка (материалы см. SR, XX, 1955, стр. 193—279).

В результате появления многочисленных работ и статей о грамматическом строе литературного языка грамматическая система словацкого языка в основном уже изучена. Это обстоятельство весьма положительно сказалось при создании учебников, прежде всего словацкого и русского языков. В составлении этих учебников приняли участие многие лингвисты, работающие в высших учебных заведениях и в Словацкой АН. Насущные вопросы школьной практики рассматриваются в журнале «Словацкий язык и литература в школе» («Slovenský jazyk a literatúra v škole»), который выходит с 1955 г. Вопросам терминологии посвящен журнал «Словацкая специальная терминология» («Slovenské odborné názvoslovie»). В этой области работают главным образом Я. Горецкий, Ф. Буффа и В. Дуйчикова. Я. Горецкий издал книгу «Основы словацкой терминологии» (J. Horecký, *Základy slovenskej terminológie*, Bratislava, 1956).

Огромное значение придается созданию словарей. Для решения теоретических проблем словарной работы была созвана общегосударственная конференция чехословацких лексикографов, происходившая 5—7 VI 1952 г. в Bratislave. Итоги этой конференции опубликованы в «Лексикографическом сборнике» («Lexikografický zborník, Bratislava, 1953»). Словацкие делегаты конференции сделали доклады о проблемах омонимии (Л. Дюрович), о фразеологических единицах (В. Лапарова), о проблемах терминологии (Я. Горецкий), об объеме словаря (Р. Шнек). Проблемам словаря литературного языка были посвящены специальные номера журнала «Словацкий язык» (XIX, 1954, стр. 65—128; XX, 1955, стр. 3—64).

Недостаточно систематически ведется работа в области стилистики. Вопросы стиля вообще, отношения литературного языка, диалектов и использования диалектизмов как художественного изобразительного средства рассматривал Э. Паулина в книге «Две главы о литературном языке и диалекте» (E. Paulíny, *Dve kapitoly o spisovnom jazyku a nárečí*, Bratislava, 1946). К вопросу использования диалектизмов как художественного изобразительного средства вновь обратился Й. Штольц в работе «Исследования по славянскому языку» («Slovenské pohľady», LXXII, 1956, стр. 222—241). На конференции по вопросам стилистики Э. Паулины сделал доклад о функциональном расчленении литературного языка (см. «Slovo a slovesnosť», 1955, стр. 17—24). Ф. Мико издал работу о стилистической категории неопределенности в словацком языке (см. JS, I, стр. 277—305).

В заключение можно сказать, что за десятилетие после освобождения развитие словацкой лингвистики шло в направлении расширения объема разрабатываемых проблем и увеличения числа исследователей, работающих в разных областях языкознания. Очевидно успехи достигнуты, главным образом, в создании грамматики словацкого литературного языка. Весьма успешно ведутся работы в области терминологии. Достижением следует считать и собиравшиеся материалы для атласа словацкого языка; жаль, однако, что в настоящее время работа приостановлена. Медленно идет работа и над словарем литературного языка, который так необходим. Не может удовлетворить нас также положение дел с разработкой истории словацкого языка. Довольно значительно развилась русистика, но у нас все еще не хватает специалистов по сравнительному славянскому и индоевропейскому языкознанию, мало работ в этой области; мало также исследований по неславянским языкам.

Надо надеяться, что благоприятные условия, сложившиеся для научной работы после освобождения в 1945 г., в результате чего словацкая лингвистика развилась и достигла сегодняшнего уровня, в будущем обеспечат успехи и в тех областях, в которых сегодня наблюдается отставание. История и развитие словацкого языка вследствие особенностей географического положения и исторических судеб его носителей крайне интересны, поэтому детальное изучение словацкого языка может быть полезным и в широком славистическом масштабе. Следовательно, детальное изучение истории и современного состояния словацкого языка — обязанность и долг словацких лингвистов не только перед своим народом, но и перед всей славистикой.

Э. Паулини

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ В ПРАГЕ

В соответствии с решением Первого заседания Международного комитета славистов в Москве (см. ВЯ, 1956, № 5). Второе заседание комитета состоялось в Праге в конце января 1957 г. (с 22 по 26 января). В Пражском заседании приняли участие представители 13 стран (см. ВЯ, 1957, № 3).

Заседание открыл председатель Чехословацкого национального комитета славистов акад. Б. Гавранек; от имени Отделения литературы и языка Чехословацкой Академии наук участников приветствовал председатель Отделения акад. Я. Прушек. Рабочие заседания Международного комитета вел его председатель акад. В. В. Виноградов.

Обсуждение научных и организационных проблем проходило в дружеской и коллегиальной обстановке, что привело к успешному разрешению поставленных вопросов. Общая тематика Международного съезда славистов и ее распределение по секциям и подсекциям были уже разработаны на Московском заседании Международного комитета славистов¹ и поэтому широкой дискуссии по общим вопросам тематики съезда на Пражском заседании не велось; следует ожидать их непосредственного разрешения на съезде в докладах. Ответы на поставленные перед славистами всех стран вопросы по более специальным проблемам славянской филологии дадут возможность провести предварительную дискуссию и уточнят позиции отдельных ученых. Эти краткие ответы будут помещены в специальном сборнике Советского комитета славистов. Доклады, которые будут делать на съезде представители различных стран, тоже будут предварительно опубликованы в сборниках,готавливаемых национальными комитетами.

Заседание Международного комитета приняло к сведению конкретные сообщения о возможностях предварительно напечатать доклады, которые имеются в разных странах. Решено было продлить срок получения ответов на вопросы. Большинство делегатов сообщало о распределении тем среди славистов своих стран и представило заявки на доклады. Из этого материала видно, что по некоторым темам пока отсутствуют доклады, по другим их слишком много; некоторые доклады — из-за слишком частного характера — войдут в состав сборников скорее в качестве статей, чем докладов. На основе сведений, полученных от делегатов и обработанных секретариатом Чехословацкого национального комитета (С. Вольманом, В. Ф. Марешом), рабочая группа Международного комитета (В. В. Виноградов, В. И. Борковский, Р. И. Аванесов и М. П. Алексеев) выработает точный план распределения докладов и вышлет его национальным комитетам. Доклады на съезде могут быть написаны и прочитаны на всех славянских и на основных западноевропейских языках (английском, французском, немецком и итальянском). Предварительное опубликование докладов даст возможность докладчикам на конгрессе уделить больше времени дополнениям и пояснениям.

По предложению Польского национального комитета славистов решено организовать, кроме утвержденных ранее двух секций съезда (лингвистической и литературоведческой), еще объединенную лингвистическо-литературоведческую секцию, в состав которой войдет подсекция славянской поэтики и стиховедения. На заседании было также решено образовать шесть рабочих комиссий съезда, а именно: информационно-библиографическую, текстологическо-издательскую, терминологическую, транскрипционную, комиссию по изучению истории славяноведения и специальную комиссию по делам конкретных международных научных предприятий (например, по подготовке большого церковнославянского словаря²). Члены этих комиссий будут представлены

¹ См. брошюру, изданную Советским комитетом славистов: «Проект тематики IV Международного съезда славистов и вопросы к его участникам», М., 1956.

² Этот словарь должен охватывать весь лексический запас огромного количества памятников разных веков и разных местных редакций. Словарь старославянского языка, включающий в себя и исчерпывающей полнотой тексты древнейшего периода, подготовлен уже в Праге Чехословацкой Академией наук.